

№ 9 (2023)
сентябрь

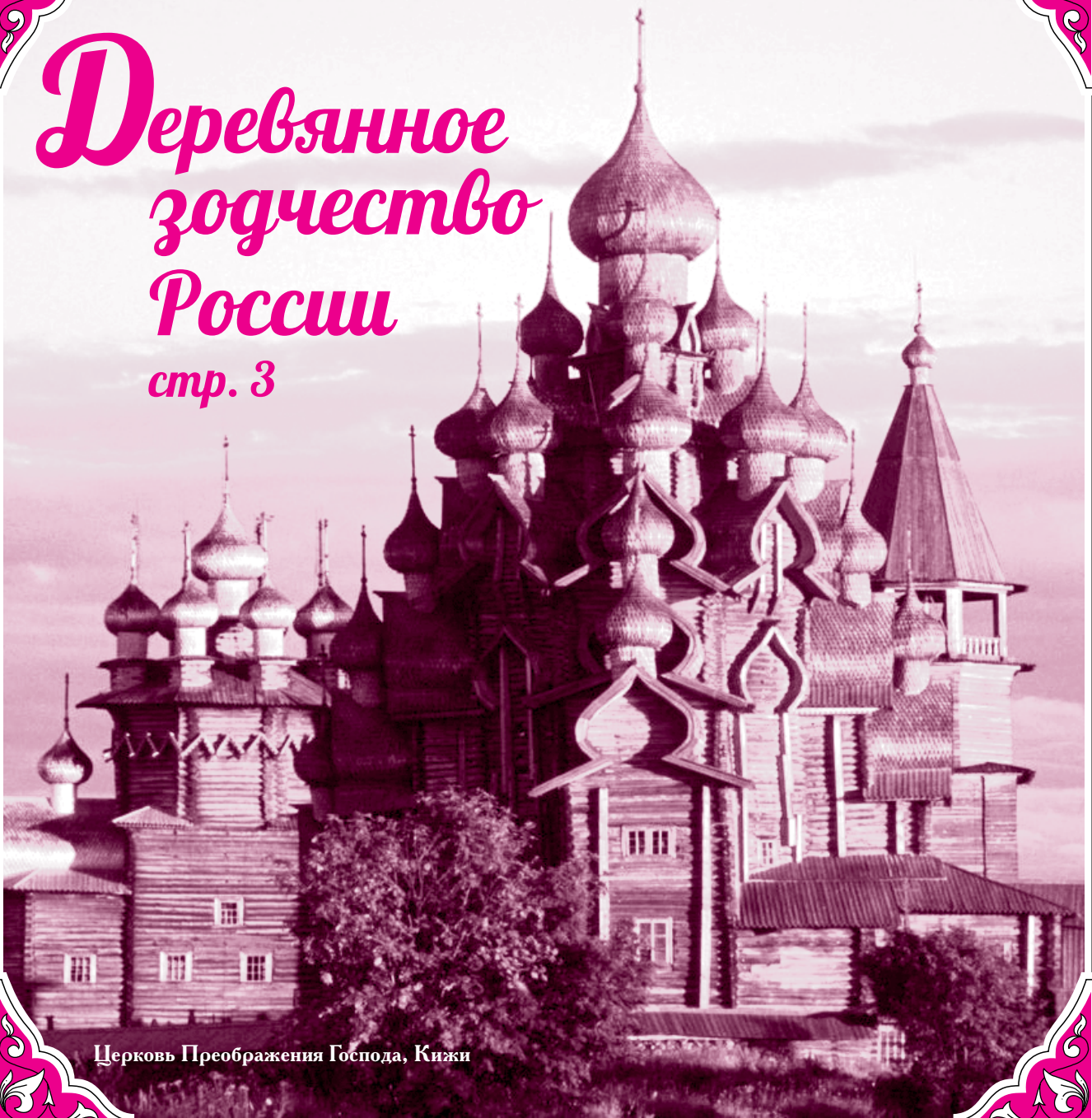
2013

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Сергия, епископа Барнаульского и Алтайского

*Деревянное
зодчество
России
стр. 3*

Церковь Преображения Господа, Кижы

ПРАЗДНИК

Рсе, что мы знаем, знает кто-то еще. Причем знает лучше нас.

Тайны, которые нам открыты, открыты через кого-то.

О том, что Матерь Божия молится о всем мире и наипаче о тех, кто любит Ее Сына, знают многие. Это молитвенное ходатайство и сострадательное вмешательство в судьбы мира называется Покровом. Мы отводим ему отдельный праздник, хотя Покров совершается и происходит, а значит и достоин празднования, ежедневно.

Нужно было Церкви выбрать какой-то единичный случай, который бы стал символом всех вообще чудес, совершенных ради нашего блага Богородицей. Этот случай есть, и связан он с человеком, которому открыто больше и который видит глубже. Без разговора о нем невозможно говорить о происхождении праздника.

Звать его Андрей. Андрей Христа ради юродивый.

«Сумасшедший» — так переводится слово «юродивый». Внешний вид, поведение и отношение к таким со стороны общества были соответственными, поскольку важнейшая добавка — «ради Христа» — не производилась вслух.

Сумасшедший он и есть сумасшедший, и взгляд безумный, и речи странные. От таких людей стараются держаться поодаль.

Внешне Андрей был именно таким, но за фасадом добровольного безумия совершал умный и непрестанный труд — молитву.

Сложен разговор о святых. Всегда есть угроза взять высокую ноту и сорваться на фальцет. Сидеть в грязи и хвалить орла — разве это подвиг?

Да и говорить можно лишь в том случае, если что-то понимаешь. А понять обычному грешнику святых так же тяжело, как тяжело рыбе понять птицу. Уж больно они разные, хоть и сотворены в один день (См. Быт. 1:20).

Безногий в глазах общества более почтен, чем безумный. Нужны особые причины для того, чтобы изображать сумасшествие. Вот Давид притворялся безумным при дворе царя Гефского, чтобы спасти свою жизнь (1-я Царств 21:13-15).

Андрей же юродствовал, чтобы скрыть близость к

горнему миру, чтобы удобно совершать молитву, не будучи ни похвляемым за святость, ни отягчаемым просьбами со стороны верующих.

Из всех отношений с миром юродивому остается только презрение и поношение. Этого он и ищет. В своем желании насытиться унижением и насмешками он выше мучеников. Мученик может обличать мучителей, говоря: вы безумны и верите ложно, а я, подобно Павлу, говорю вам «слова истины и здравого смысла» (Деян. 26:25). Юродивый же этого сказать не может. Напротив, ему может сказать любой: «Ты безумец», а он только глупо расплывется в улыбке, или выкинет какой-то фортель.

Безумие добровольное, напускное, но настолько искусное, что от настоящего сумасшествия его невозможно отличить, есть особый вид защиты сокровищ. Под

сокровищем разумеем молитву. Защищать же ее приходится от похвалы, от суеты, от неизбежной связанности с миром и обществом, пусть даже и христианским, но все равно одержимым страстями.

ПРОТОИЕРЕЙ
АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

Андрей Христа ради юродивый: увидеть и рассказать

Очевидно, что жар молитвы, нуждающейся в такой защите, должен быть необычным. То есть сокровище должно быть подлинным, без примесей.

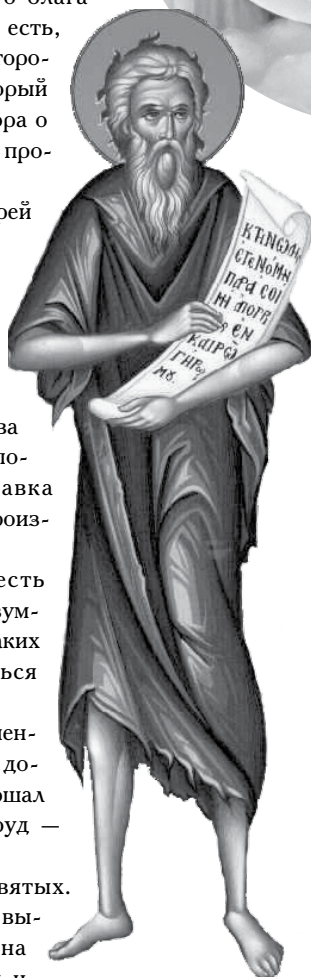
Юродство не путь стяжания молитвы, а скорее, способ сохранения молитвы. И еще — способ служения.

Можно ведь подумать и сказать: «Раз ты такой святой и так огненно молишься внутри своего сердца, то иди себе в пустыню или на гору и там совершай свою необычную жизнь. Зачем же ты толчешься на рынке, спишь на паперти или, вызывая громкий визг, заходишь за побоями в женскую баню?»

Дело в том, что юродивый живет в мире ради этого же мира. Он уже не бежит из мира, боясь соблазниться чем-то, но намеренно пребывает посреди его, чтобы молитва, которая в юродивом, грела мир, слепой по отношению к событиям духовным.

Все это мы говорим и обо всем этом рассуждаем, помня сказанное выше: рыба птицу не поймет. Разве может рыба с холодной кровью и холодным сердцем понять, как бьется горячее сердце в груди у чайки, парящей на ветру? Эту чайку рыба, в лучшем случае, видит сквозь толщу воды, снизу вверх, «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор. 13:12).

Итак, Андрей — птица. Он «не сеет, ни жнет, не собирает в житницы» (Мф. 6:26). Его питает Бог,

причем такой манной, которая заставляет вспомнить Апокалипсис: «Побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя» (Откр. 2:17). Андрей видит то, чего все остальные не видят. Он видит бесов, которым изрядно досаждают своим образом жизни. Видит Ангелов, защищающих его. Видит святых и общается с ними. Наконец, он видит Матерь Господа Иисуса Христа. Это видение и дало основание возникновению праздника.

Видение произошло в храме во время молитвы. Как впоследствии Серафим Саровский видел за Литургией Христа в окружении ангельских сил, так и Андрей увидел Божию Матерь, идущую по воздуху в окружении святых. Андрей слышал молитву Богородицы, просящей Сына, чтобы Тот принял мольбы и просьбы всякого человека, приходящего за помощью через Нее — Богородицу.

Никто, кроме Андрея, не видел этого. Все молились и смотрели в сторону алтаря. Один юродивый задирает голову и рассматривал что-то на куполе или на стенах. Так тогда казалось.

Потом же о видении своем он рассказал. Ведь оно касалось не его одного, а всего народа! Народ выслушал и не посмеялся, но, подобно Богородице, запомнил все, «слагая в сердце своем» (См. Лук. 2:19).

Не всякое явление или видение превращается в праздник. Мало ли кому явились небожители и кого от чего спасли?! Для того чтобы это праздновалось и не забывалось столетиями, нужно чтобы церковное сознание усмотрело в частном — общее, и в единичном случае — проявление правила.

Правило нынешнего праздника звучит так: Матерь Божия, будучи взятой в славу Сына Своего, не наслаждается Небесным Раем, а непрестанно молится о мире, посещая сей мир.

Плоды этой молитвы известны миллионам людей, поскольку миллионы в разное время благодетельствованы заступничеством Богородицы. Вот эти-то миллионы отдельных случаев и собраны воедино под названием «Покров», чтобы одним праздником почтить неусыпающую и незамолающую молитву Преподобной Девы Марии.

Подобным образом и чудо Архистратига Михаила в Хонех ценно не только как единичный факт, но и как проявление того благого участия в истории человечества, которое совершают чистые духи, верные Господу.

Андрей видел и другим рассказал. А другие, в числе которых и мы, сердцем откликнулись на услышанное слово. Мы и раньше знали, что «любовь не перестает» (1 Кор. 13:8), а раз Богородица — Мать истинной Любви, то и Ее любовь бесконечна.

Мы знали, как много и часто Она помогает Церкви и вообще всем, просящим у Нее помощи. А благодаря Андрею, мы словно бы его глазами, увидели этот олицетворенный Покров.

Увидели и обрадовались.

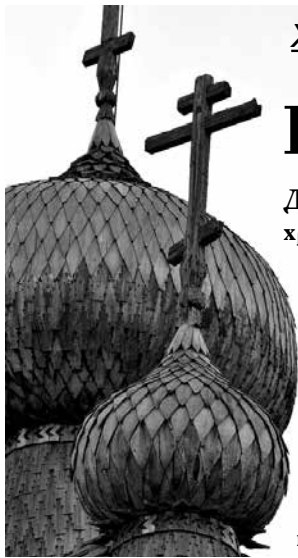
Увидели и согрелись.

Увидели и обнадежились.

То, что было тогда, продолжается и поныне. Молится Сыну о людях благодатная Мария. Участвуют с Ней в молитве Ангелы, пророки, апостолы и мученики. Видят эту молитвенную службу избранные рабы Божии, продолжающие земной путь.

А все остальные, у которых духовного зрения нет, но сердце обрезаю, то есть к истине восприимчиво, в день праздника поют: «Величаем Тя, Пресвятая Дево, Тя бо виде святой Андрей на воздухе, за ны Христу молящуюся».

Православие и мир

ХРАМЫ РОССИИ

ДЕРЕВЯННАЯ ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА

До сих пор на Русском Севере еще можно встретить удивительные по красоте деревянные храмы и часовни, оставленные нашими предшественниками. Уже сотни лет нет людей, построивших их, но здесь мы можем ощутить красоту и величие их души, любовь и усердие к Богу, а также заботу о нас, ведь строились храмы на века, чтобы послужить и нам, и нашим потомкам.

В годы советской власти значительная часть храмов сжигалась, раскатывалась по бревнам, служила клубами, складами, или просто оставалась в запустении, но, несмотря на все это, многие из них дошли до наших дней. Коммунизм, коллективизм, плесень, личинки и периодические разграбления не смогли полностью уничтожить эти чудеса национальной культуры, но банальное пренебрежение и равнодушие может довершить начатое. Их осталось всего несколько сотен, уникальных по разнообразию и конструктивным решениям, русских деревянных храмов.

ОСОБЕННОСТИ ДЕРЕВЯННОГО ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВА

Самых древних времен обработка древесины и строительство из нее было делом привычным и широко распространенным на территории Руси. Строили много. Этому способствовали и частые

пожары, и миграции населения, и недолговечность материала. Но все же для строительства деревянных храмов приглашали артели опытных мастеров, во главе которых стояли старосты (от немецкого «мастер»).

Основным материалом для строительства, в преимущественном большинстве, были бревна (осляди или сла-

ги), длиной от 8 до 18 м и диаметром около полуметра и более. Из бревен тесали брусья (бревно отесанное на четыре канта). Для устройства полов применялись бревна, расколотые на две части (пластины). Из бревен с помощью клиньев (расколотых в длину) получали доски (тес). Для устройства кровельного покрытия использовали изготовленный из осинового теса лемех (гонт).

При строительстве традиционно использовали два способа крепления бревен: «в обло» — при помощи вырубания в концах бревен соответствующих углублений, и «в лапу» («в шаг») — этом случае выпускных концов нет, а сами концы вырубались так, что схватывались друг с другом зубцами, или «лапами». Ряды собранных венцов назывались срубам, или стопами.

Крыши храмов и шатры покрывались тесом, а главы лемехом. Подгонялись они с большой точностью и только в верхней части крепились к основе особыми деревянными «костылями». Во всем храме от основания до креста не применялись металлические детали. Связанно это, в первую очередь, не с нехваткой металлических деталей, а с умением мастеров обходиться без них.

Для строительства храмов широко использовались те породы древесины, которые в изобилии произрастали на данной территории; на севере чаще строили из дуба, сосны, ели, лиственницы, на юге — из дуба и граба. Для изготовления лемеха применяли осину. Подобные крыши из осинового лемеха практичны и привлекательны, они не только издали, но даже с близкого расстояния производят впечатление посеребренной кровли.

Важной особенностью древнего зодчества являлся тот факт, что в немногочисленном плотницком инструменте отсутствовали пилы (продольные и поперечные), которые, казалось бы, были столь необходимыми. Вплоть до петровской эпохи плотники не знали слова «строить»; они не строили свои избы, хоромы, церкви и города, а «рубали», почему и плотников именовали иногда «рубленниками».

На Севере Руси пилы в строительном деле широко вошли в употребление лишь в середине XIX в., поэтому все брусья, доски, косяки были вытесаны старыми мастерами одним топором. Церкви рубили в прямом смысле этого слова.

На Севере, в отличие от южнорусских областей, храмы в древности почти всегда ставились прямо на землю

(«пошву») без фундамента. Талант и мастерство зодчих позволяли строить храмы высотой даже до 60 м, а высота в 40 м была обычной.

Суровая школа жизни отразилась на внешнем убранстве церквей, постепенно привела к созданию произведений, поражающих своей простотой и вместе с этим неповторимой торжественностью и гармонией.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ДЕРЕВЯННОЙ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Часовни

Часовни, поклонные кресты, либо иконы в киотах были непременными спутниками русских людей в древности. Они в великом множестве возводились по всей земле русской. Ставили деревянные часовни на местах обретения икон, сгоревших или упраздненных и разобранных храмов, на местах сражений, на местах внезапной смерти христиан от молнии или болезни, у въезда на мост, на перекрестках дорог, там, где считали почему-либо необходимым осенить себя крестным знаменем.

Самыми простыми из часовен были обычные невысокие столбы, на которые под небольшой крышей устанавливались иконы. К более сложным относились крошечные постройки (клетского типа) с низкими дверными проемами, в которые нельзя было войти не согнувшись. Наиболее распространенными в древности были часовни в виде изб с маленькой главой или просто крестом, в летописях подобные часовни упоминаются как «клетские». Все часовни всегда содержались в должном порядке, своевременно ремонтировались и украшались к праздникам жителями ближайших деревень.

Клетские храмы

Деревянные храмы, по свидетельству летописцев XVI—XVII вв., строились «по подобию, по старине», и их зодчие строго придерживались древних традиций.

Самыми простыми по типу постройки и самыми первыми были храмы, походившие на простые избы и отличавшиеся от них только крестом или маленькой главкой.

Так сложился первый тип деревянного храма — клетский. По размерам церкви эти были невелики, рубились из одного, двух, чаще из трех срубов

Варваринская часовня,
Карелия, ранее 18 в.

Церковь Воскрешения праведного
Лазаря, Муромский монастырь

(алтарь, храм и притвор), соединенных вместе и увенчанных чаше одной главой; перекрывались кровлей на два ската.

Характерным примером подобного типа является церковь прав. Лазаря (конец XIV в.) — древнейший из дошедших до нас памятников деревянного зодчества. По преданию, она срублена при жизни основателя монастыря прп. Лазаря, до 1391 г. Размеры церкви невелики (8,8 м на 3,6 м). Храм не имеет никаких внешних украшений. Это древнейший пример постройки клетского типа, многократно повторявшийся впоследствии с весьма существенными вариациями вплоть до XX в.

Шатровые храмы

Шатровые храмы имели то главное преимущество перед клетскими, что были обыкновенно очень большими по объему и имели значительную высоту. Термин «деревянный верх» включает в себе устройство главного помещения в виде многогранной башни. Кровельное покрытие таких храмов устраивалось «кругло» (многогранником), а форма получила название — «шатер».

Шатровые храмы значительно отличались от клетских планом и своим сильно подчеркнутым стремлением вверх. Они изумительно красивы, просты и вместе с тем очень рациональны — это глубоко национальная форма. Сохраняя традиционный трехчастный план, шатровые постройки получили новые архитектурные формы, не употреблявшиеся в древности, что позволило устроить при помощи тех же исходных материалов достаточно большие сооружения.

Шатры рубились, как и крыши клетских храмов, без системы стропил. Шатер состоял из продолжения сруба, но каждый следующий венец делался меньше предыдущего, совокупность венцов образовывала пирамидальную форму. Вследствие большой высоты, практической необходимостью было устройство у основания шатра «полиц», которые служили для отвода дождевой воды. Рубились такие церкви всегда «в лапу» и покрывались лемехом или тесом. Можно предположить, что первые шатровые храмы не имели высоких шатров, огромной высоты они достигли постепенно, в процессе становления архитектурных форм.

Чем древнее были шатровые храмы, тем проще и строже их внешнее оформление.

Начиная с середины XVII в. постепенно меняются требования к внешнему виду деревянных храмов. Суровая простота форм и строгость общего облика уступали место сложной композиции и дополнительному декоративному убранству.

Дальнейшее развитие этого типа построек шло путем усложнения основных форм.

Многоверхие храмы

Большинство построек, появившихся в конце XVII в. и на протяжении XVIII в., в основном сформировалось на основе клетских и шатровых храмов. Отличим их, как правило, было сочетание различных приемов и форм.

К самым сложным, вобравшим в себя все предшествующие формы, относятся многоярусные храмы, которые начали рубить с конца XVII в.

Церковь Преображения (1714) в бывшем Кижском погосте, на одноименном острове Онежского озера является самым ярким из сохранившихся примером деревянного зодчества Руси.

В плане имеет крест в восьмиугольнике, увенчанный двадцатью двумя главами (общая высота 35 м). При всей внешней сложности форм, здесь нет ни одной новой, которой бы не встречалось в более ранних деревянных храмах. Особого внимания заслуживает решение сложных инженерных задач по внутреннему устройству несущих конструкций. Для избежания попадания влаги внутрь, в восьмерике сделана вторая двускатная крыша, вода с которой отводилась по специальным желобам. Тонкое чутье мастера подсказало зодчему ввести незначительные, но существенные детали, превратившие храм в шедевр деревянного храмо-строительства.

Внутреннее пространство относительно небольшое, оно занимает лишь четверть общего объема здания. Даже достаточно пышный по убранству иконостас, столь ярко выступающий в восьмигранном интерьере храма, не производит того впечатления, которое оставляет внешний облик этой небывалой церкви. По преданию, мастер, закончив постройку церкви, сказал: «Не было, нет и не будет такой». Этот храм — венец деревянного храмо-

строительства Руси. Древнее деревянное церковное зодчество севера Руси выработало два основных типа храмов: клетские и шатровые. Пройдя длительный путь становления и совершенствования, они создали, в свою очередь, целый ряд новых форм. Талант русских мастеров

и любовь к Матери Церкви породили на Русской земле удивительные примеры деревянного храмо-строительства.

По страницам книги Олега Стародубцева «Русское церковное искусство X-XX веков»

СЕВЕРНЫЕ ТРОЙНИКИ БЕЩЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

«Северный тройник» — деревянный ансамбль из двух церквей (холодной летней и теплой зимней) и колокольни, который было принято возводить на погостах по всей территории Русского Севера. Время их не пощадило — где-то утрачена одна из церквей, где-то колокольня, где-то одна из деревянных построек была заменена каменной. К настоящему времени «тройников» остались единицы: Кижи — самый знаменитый музейный ансамбль, Почозерский погост на территории Кенозерского национального парка, сохранившиеся в исторических деревнях: Нёноксе, Малашуйке, Ворзгорах и недавно построенный ансамбль в Варзуге.

Строились «тройники» на погостах. Не стоит представлять мрачную картину архитектурного ансамбля на кладбище. «Погост» — производное от слова «гость» в значении «купец». Исторически погосты были центром общественной жизни, местом сбора народа и даже территориальной единицей.

«Тройники» — явление исключительное, характерное только для Русского Севера. Отчасти это объясняется климатическими условиями: суровая зима и умеренно-теплое лето. На погосте строилось две церкви, летняя и зимняя. Летняя церковь предназначалась для богослужений с Пасхи до Успения, зимняя — соответственно — от Успения до Пасхи.

Летняя

церковь — традиционно самая крупная постройка ансамбля, обеспечивала прихожанам прохладу в летнюю жару. Как правило, летняя церковь имела самое богатое убранство и наиболее полный иконостас, являясь гордостью погоста. Зимняя церковь «тройника» была меньше по размерам, имела печь для отопления. Непременный атрибут для большинства зимних церквей — обширная трапезная, пожалуй, самое многофункциональное помещение на Севере. Это была и трапезная, и приёмная, и судилище. Колокольня — самое высокое здание погоста, часто красиво оформленное, роскошно украшенное. Как правило, колокольня строилась отдельно от церквей, но сохранились и погосты, где колокольня объединялась с церквями галереями. Например, Почозерский погост в Архангельской области. Ещё одним элементом погоста традиционно являлась ограда. Сомнительно, чтобы она использовалась в оборонительных целях, часто ограда носила символический характер. История «тройников» показательна и даже печальна. К концу XIX века деревянное зодчество претерпевало кризис. Вместо утраченных деревянных церквей возводились каменные, появились даже комбинированные постройки. Для традиции деревянных «северных тройников»

ков» эти процессы были равносильны гибели. С начала XX века, по известным причинам, темпы разрушения только ускорились.

Великая отечественная война пробудила национальный дух и интерес к культурному наследию. За день до Сталинградской битвы, 22 августа 1942 года вышел в тираж уникальный альбом по деревянному зодчеству. Из представленных в нём почти пятидесяти «тройников» к моменту развала СССР сохранилось 10-15.

На сегодняшний день сохранилось... шесть «северных тройников». Совсем недавно их было семь: одна из церквей и колокольня красивейшего Лядинского погоста, сгорели 5 мая.

Алексей Рудевич
Кирилица.ру

Почозерский погост (Архангельская обл., д. Филипповская)
Шатровая церковь Происхождения Честных древ Животворящего Креста Господня, церковь Обретения главы Иоанна Предтечи, шатровая колокольня. Датой строительства погоста считается 1700 год.

«МИР СПРАВЕДЛИВОСТИ – ЭТО АД, А РАЙ – ЭТО МИР ЛЮБВИ»

Аркадий Мамонтов начинал работать на телевидении корреспондентом в «горячих точках». Сегодня его хорошо знают по сюжетам в жанре расследовательской журналистики. А в день прибытия Пояса Богородицы в Россию вышел в эфир — документальный фильм Аркадия Мамонтова об этой святыне и о монастыре Ватопед, откуда она была привезена.

АФОН: ПОПЫТКА ВТОРАЯ

— Аркадий, вы ездили на Афон снимать фильм о Поясе Богородицы. Но, насколько я знаю, это не первая Ваша попытка приехать на Святую гору со съемочной группой?

— Да, я был на Афоне несколько лет назад, тогда мы впервые решили попробовать снять фильм про Святую гору, про наш русский монастырь Святого Пантелеимона. Не удалось: Кинод (это высший орган управления Афона) не дал благословения на это. Поэтому мы просто пробыли в монастыре три дня как паломники.

— Быть на Афоне паломником и журналистом, то есть приехать по работе, — это разные вещи?

— Разные. Когда ты паломник, ты сосредоточен прежде всего на том, что происходит внутри тебя. Ты стремишься полностью погрузиться в атмосферу святого места, прочувствовать его, понять, поразмышлять, походить, посмотреть, пообщаться.

А вот если ты журналист, то на себе в таких местах сосредоточиваешься меньше. Ведь ты работаешь для людей. Как профессионал, ты любые события, встречи, разговоры пропускаешь через призму будущего фильма или программы. Это тоже интересно — наша профессия предполагает изучение мира, жизни. Хотя работа, конечно, всегда остается работой... И если паломник может посидеть, помолчать, подумать, то журналист должен говорить и действовать. Но, несмотря на это, афонская поездка дала нам удивительный опыт. Даже с учетом того, что было очень сильное противодействие нашему стремлению сделать фильм.

— В каком смысле?

— Не в плане каких-то юридических преград. Со стороны монастыря, напротив, нам очень охотно пошли навстречу, быстро оформили все документы. Я о другом противодействии. Не знаю, как у других было, я просто рассказываю про себя.

В Домодедове перед вылетом я вдруг почувствовал, что у меня начинает подниматься давление, сердцебиение сильное. Но главное — появляются такие мысли: «Да не надо тебе туда лететь! Опасно лететь — самолет упадет, вы со всей съемочной группой разобьетесь. И вообще, зачем тебе это надо?» Такая прямая атака. Я не склонен мистифицировать события, просто я рассказываю, как было. Я впервые в жизни вынужден был обратиться в медпункт в аэропорту. Сделали кардиограмму — она оказалась абсолютно нормальной, правда, давление действительно зашкаливало. Врачи вынуждены были сделать укол. Перед самым вылетом я зашел в медпункт уже около самых посадочных ворот. Измерил давление — нормально.

Выхожу — и меня опять начинает трясти! В конце концов, я себя переборол, сел в самолет. Мы летели, как будто Бог нас нес на ладони — никакой тряски! Но в Уранополисе — это городок, пристань, откуда отправляются корабли на Афон — нас ждало второе испытание...

— Какое?

— Монастырь прислал за нами катер. Я спросил у капитана: «Есть ли на море волнение?» — а мы плыли не как все паломники, а огибали Афон с другой стороны, чтобы сразу прибыть в монастырь Ватопед, где хранится Пояс. Морячок ответил: «Да не волнуйтесь, все будет здорово!». И вот мы вышли из бухты... и попали в сильнейшее волнение! Для маленького кораблика 3 балла — это очень много: наш катер мотало, подкидывало, бросало из стороны в сторону. И всю дорогу — полтора часа — я в буквальном смысле в небо кричал молитву «Богородице, Дево». Сначала надо мной посмеивались ребяташки — коллеги, а когда нас стало особенно сильно швырять — на подветренной стороне — молиться начали уже все! И, слава Богу, до Афона мы добрались.

КАК ДЕТИ

— Приехали столичные журналисты, с центрального телевидения — снимать фильм о греческом монастыре, о его святыне... К вам не относились с недоверием, настороженностью?

— С самого начала — полдня, наверное, — к нам присматривались: все-таки люди новые, чужие. Но когда насельники поняли, что мы неравнодушные люди, что воспринимаем этот монастырь, его храмы, иконы, монахов, паломников с верой, с благоговением, то, конечно, открылись нам. Я помню, настоятель в первую же нашу встречу сказал мне такую фразу: «Ты снимешь хороший фильм». Я поразился: как я сниму? Я не знал, что именно снимать — ей-Богу!

— Как это не знали? Вы же понимали, куда и за чем едете.

— Да, но я не представлял, как снять так, чтобы люди посмотрели и прониклись, чтобы передать то, что я там увидел и почувствовал. Можно же просто формально снять фильм, а можно — снять неформально. Но как? Тут же нет технологии, алгоритма! Я растерялся. Собралось огромное количество материала: на тебя все новая и новая информация валится, и ты должен быстро сориентироваться. Весь наш первоначальный сценарий разлетелся, все случилось по-другому!

— Сколько у Вас дней было на работу?

— Всего пять дней! Мы приступили к работе тут же: приехали, сбросили вещи в гостинице и с ходу пошли снимать. Нас сопровождал монах, отец Феодок, он родом из Грузии, прекрасно знает русский язык, очень хороший человек — умный, эрудированный, дружелюбный.

К концу первой половины дня мы вымотались. Я смотрел на монахов — как они трудятся и как они при этом спокойны — и поражался! Это другой мир, другое отношение людей друг к другу. Представьте себе: в год в этом монастыре бывает 50 тысяч паломников — за каждым надо убрать, застелить кровать, каждого накормить, каждого вновь прибывшего паломника угощают водой и рахат-лукумом. Это делают сами монахи. И при этом успевают молиться по 6-8 часов в день!

Мне запомнился монах-ключник, который менял белье в номерах. Когда мы с ним в гостиничном лифте поднимались, он постоянно повторял тихонько: «Кирие елейсон, кирие елейсон», то есть «Господи, помилуй». Они всегда молятся про себя, это им помогает. Там воспитывается ангельское терпение! А попробуй ко всем будь ровен, дружелюбен — люди-то разные приезжают, из разных стран, разных культур, с разными целями. Меня поразило общение с монахами. И не только оно. Надо сказать, что на Афоне в принципе совершенно уникальная атмосфера и культура общения. Удивительно: я не заметил ни одного проявления жестокости, не услышал ни одного грубого слова. На острове ведь одни мужчины, а чувствовали себя мы там — как дети! Вся шелуха, вся взрослая наигранность сразу с нас слетели. Это меня поразило больше всего.

И присутствие Божие и Божьей Матери чувствовалось очень сильно. Помните, в нашем фильме был парень-паломник, который сказал: «Я понял, что здесь всё есть. Я теперь смерти не боюсь».

— И Вы это поняли?

— Да. Это правда — так же и мы чувствовали.

— На Ваших коллег тоже повлияла эта поездка?

— Да. Например, Дмитрий, молодой корреспондент, который ездил с нами, в подобное место попал впервые и был, конечно, огушен — в хорошем смысле этого слова. Он раскрылся. Наверное, он к чему-то очень родному прикоснулся. Люди там менялись, это было видно.

В первый день съемок на остров приехали немцы (а в монастыре проводят экскурсии на пяти разных языках) — они как раз вошли в храм, когда мы снимали вынос из алтаря Пояса Богородицы и других святынь монастыря. Картина была такая: русские, греки, румыны — православные — крестятся, с благоговением прикладываются... и немцы стоят — вот что значит другая культура! — смотрят, как на диво какое-то: что это тут такое? Потом сами прошли перед этими святынями, выставленными в ряд перед алтарем, просто посмотрели на них, послушали, как монах им рассказывает о них, и отошли.

Оказывается, это был первый день их пребывания на Афоне. А на второй день я снова увидел этих немцев: у них были совершенно другие лица! Не видел, прикладывались ли они к святыням или нет. Но то, что они по-другому смотрели на всё, проведя ночь в монастыре, было очевидно.

— Там, говорят, как будто и нет разных национальностей...

— Не то что нет... Они есть, просто этого не чувствуется

— там все едины во Христе. Кто откуда приехал — меня,

собственно говоря, не интересовало. Православный — и всё. Среди монахов — люди со всего белого света! Конечно, в первую очередь это греки, потом — русские, потом — французы, австралийцы, немцы, американцы, англичане, канадцы, грузины, арабы. В общем, со всего мира. Вот уж действительно — нет ни эллина, ни иудея. Все — братья во Христе.

НА ВОЗДУСЯХ

— Когда Вы к вере пришли?

— Еще в армии — в 1980-82 годах. Нас там колотили здорово, как в тюрьме... Конечно, мне надо было в армию идти, это школа жизни — я не спорю. Но я был интеллигентным мальчиком, из кинематографической семьи: не пил, не курил, матом не ругался. А тут раз — мне 18 лет исполнилось, и меня забрали служить в Забайкалье. В общем, я нагяделся там много на что. И когда было особенно тяжело, надо было к чему-то, к кому-то обратиться. Вот так вот, не зная, как, кого-то я молил о помощи. После армии — крестился. И тогда уже стал идти к Богу, ошибаясь, падая.

Позже я для себя вывел такую формулу: в жизни есть две дороги. Одна — классное шоссе, автобан, пять полос с асфальтовым покрытием, с освещением, по нему можно даже пешком идти с удовольствием, отдыхая иногда в придорожных кафе. А в конце — красивые ажурные ворота, шикарные, золотые.

И есть другая дорога — наша, русская. В деревню Нижние Котлы. Вся разбитая, в рытвинах, ехать по ней невозможно, а идти — еще трудней. А в конце — калитка скособоленная, из горбыля сколоченная. И от человека зависит, какую дорогу выбирать. Всегда стоит выбор — ваш, мой, ее, его: идти, где удобно, или там, где тяжело. Главный вопрос в том, куда придешь. Человек всегда сам выбирает свой путь. Я выбрал не шоссе.

— Значит, Вы впервые ехали на Святую гору, уже определившись с выбором. Но все же Вас не разочаровал тот факт, что Вам в первый раз отказали в съемках?

— Нет, неприятного осадка у нас не осталось, там все равно было очень хорошо. Тогда нам все было в новинку, все казалось удивительным. Ночью при свечах мы впервые все вместе читали вечерние молитвы перед сном, потом вставали в 3 часа ночи и шли на службу. Это было так странно. И послушания — тоже казались странными.

Утром к нам подошел монах и сказал: «Знаете что,

ребята. Надо помочь убрать верхний храм: вымыть пол, ступеньки, протереть стасидии*...». «Конечно!» — ответили мы, а сами переглянулись с некоторым недоумением: как это? Мы что — сейчас мыть полы будем? Ну, ладно, проблем нет, помоем! А монах добавил, видно, в шутку: «Знаете, кто в монастыре храм уберет, тому семь грехов спишется». Мы рванули туда, в этот храм, наперегонки! До дыр все протерли, убрались так, что там все блестело — как в армии, в общем.

Еще мне очень запомнился случай, который произошел на нашей первой трапезе. Как видите, меня достаточно много, я люблю покушать — есть у меня такой недостаток. Сидели мы, миряне, в ряд, а напротив нас, тоже в ряд, сидели монахи. Мы с ребятами «наворачивали» с голоду (а перед этим мы хорошо поработали) кашу, оливки и все, что там стояло. Как нам казалось, делали мы это медленно и чинно, а на самом деле оказалось — быстро и суетливо. Напротив меня сидел очень худой монах. Лицо — благообразное, глаза — светлые, кристальной чистоты. Перед ним стоит алюминиевая тарелка с фруктами. И он не спеша берет оттуда виноградинку — и откусывает ее. И всё! А ведь он не меньше моего работал! Когда мы встали из-за стола, я подумал: сколько надо было этому человеку идти к такому простому действию? Чтобы вот так просто взять одну виноградинку и не спеша есть? Что стоит за этим невероятным воздержанием? Он не хотел передо мной рисоваться, просто у него такой образ жизни...

— *Ваше самое сильное впечатление от Афона?*

— В первую нашу поездку, в одну из ночей, перед утренней службой я вышел на монастырский двор — а электрического освещения там нет. И вот представьте себе: неверный свет луны, неземной аромат — видимо, деревья цвели, дело было весной. И тишина, только птицы поют перед рассветом, и звезды, как бриллианты, рассыпаны по небу. Это было нечто! Я стоял в этом дворе практически неподвижно где-то час, боялся дышать — такое ощущение было, как говорится, что ты «на воздушках». Непередаваемое ощущение покоя, любви.

— *Трех дней хватило, чтоб ощутить то, что постоянно ускользает от нас в обычной жизни?*

— Вы знаете, там, на Афоне, какое-то необыкновенное течение времени, даже отсутствие времени. В нашем мире, который опутан сетями прогресса, мы все куда-то бежим, едем, спешим, летим, даже ходить не умеем как следует. Мы с вами москвичи, а давайте переедем в провинцию, скажем, в город Барнаул и с ходу пойдём по центральной улице.

Вы и я — мы будем обгонять всех подряд! Потому что мы, к сожалению, уже по привычке бежим куда-то. Ритм жизни подгоняет, а это плохо: надо жить спокойно, размеренно, думать, размышлять, созерцанием заниматься. Но есть вещи, которые, к сожалению, пока сильнее нас... Как бы там ни было, Бог дает тебе моменты, когда ты можешь в этой гонке остановиться. И вот тогда был такой момент. Когда я впервые оказался на Афоне, понял, почему надо ходить в храм в воскресенье и на праздники.

— *Почему?*

— Потому что по воскресеньям ты из этой суеты никчемной выпадаешь и, приходя в храм, оказываешься в Божьем мире. Горнем мире. Общение с Богом — оно не терпит суеты. Оно требует беседы, тихой и спокойной. Иисус Христос и с учениками, и с людьми, среди которых Он проповедовал, всегда беседовал спокойно, не спеша.

Так что получается, воскресенье — это и память Воскресения Бога нашего Иисуса Христа и вместе с тем — воскресение нашего духа, потому, что в этот день мы целиком с Господом.

Я, конечно, не очень хороший христианин: мне иногда трудно всю службу отстоять, я иногда могу проспять и опоздать на Литургию, с ноги на ногу стоять, переминаясь, но все равно бывают такие дни, в которые ты весь в богослужении, весь в молитве. Это, конечно, очень многое дает человеку. Особенно в наш век.

ОЧЕРЕДЬ-РАДУГА

— *Первое прикосновение к Поясу Богородицы — каким оно было? Вы впервые увидели эту святыню в Вашу вторую, рабочую, поездку?*

— Да. Каждый день после трапезы Пояс выносят к паломникам. Мы пришли с камерами — снимать этот эпизод для фильма. Священник вынес ларец, открыл, поставил, и люди стали подходить, прикладываться. А поскольку это был рабочий момент съемок, я сначала и не почувствовал, что происходит нечто необычное. Сам приложился, помолился — но как-то все обыденно.

Я понял, что это за необыкновенная святыня, уже позже, когда настоятель монастыря повел меня в алтарь. Я встал на колени, а он взял ковчег и крестообразно осенил меня им, благословляя. Сначала ощущений никаких не было. Настоятель прочел молитву. И вот тут как будто, знаете, какой-то столп света на меня упал — не в физическом смысле, конечно, это душевные ощущения. Поток любви, благодати. Это неопишное ощущение! И я заплакал, потому что... все мы люди очень грешные. Очень грешные. И мне было непонятно, за что мне, такому грешному, недостойному, дано было почувствовать нечто такое, чего не выразить словами, не описать, не угледеть никак!

— *Что бы Вы сказали на возражение, что поклонение Поясу Богородицы — это лишнее?*

— Я постараюсь объяснить — но оговорюсь: это мое личное мнение, я могу быть неправ. Мы снимаем сейчас программу «Рождественская открытка». В Петербурге мы встречались с коллекционером, который собрал 40 тысяч открыток, в том числе старинных: конца XIX — начала XX века. Я читал эти открытки. Скажем, открытка 1902 года: «Милая Маша! Поздравляю тебя с Рождеством Христовым и Новым годом! Желаю тебе здоровья, счастья, удачи.

Надеюсь быть с вами в Новом году! Петр». В этих строках — ощущение жизни, которой уже нет, она ушла, но в то же время — осталась в этих строках. Так и Пояс: его Матерь Господа нашего носила, когда ходила по этой земле. Это материальное свидетельство Горнего мира. И здесь нет никакого фетишизма — это, на мой взгляд, проблемы тех людей, которые так говорят. А наше счастье, что миллионы наших людей шли к Поясу как к Величайшей Святыне.

— *Невероятная очередь к Поясу — она, на Ваш взгляд, что-то рассказала о нашем народе, о стране?*

— Конечно. Очередь показала, что у народа есть Вера. Вера, которую «утюжили», корезили, выжигали каленым железом на протяжении всего XX века. Но простые люди все равно верили и продолжают верить. Самое главное: наш народ, русские — я имею в виду не национальность — он жаждет Веры! Потому что ему в свое время перекрыли этот источник, в чем он и сам был виноват: нельзя было отказываться от государя-императора, нельзя было отречься от своей Веры. Наши предки соблазнились обещаниями: нам показали змия с золотым яблоком в пасти, и мы кинулись за ним! Думали, что у нас нужники будут из золота, будем жить при коммунизме, как в раю. Такого не бывает. Мир справедливости — это ад, а мир любви — это рай. Вот в чем дело. А сейчас пришло трезвение, и народ жаждет Бога. Поэтому слава Богу, что в Россию прибыла эта святыня, и что люди стояли в очереди.

— *А Вы эту самую очередь видели своими глазами, подходили к ней?*

— Видел, конечно.

— *Какое на Вас впечатление она произвела?*

— Благодати. Если б эту очередь можно было бы сфотографировать специальными приборами, она вся бы переливалась радугой. Несмотря на цыган, которые ходили и навязчиво просили денег, несмотря ни на какие споры, ссоры — все равно там была благодать: вот она льется, ее ничем не остановить! И неважно, что говорили неверующие люди: якобы большинство стояло из корысти, эгоистично просило каких-то утилитарных, земных вещей, для себя. Да, просили. Мы люди — мы просили помощи у Бога, у Его Пречистой Матери. А кто нам еще поможет? Но мы-то просили с Верой. Господь же Сам сказал: «Просите и дано будет вам».

БЕЗ ВЕРЫ В ЭТОМ МИРЕ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО

— *Вы снимаете фильмы о тяжелых явлениях современности, о страшных вещах, которые творятся в нашей стране. И с другой стороны — о святых и святынях, и всегда говорите о вере в наш народ. Одно другому не мешает?*

— Наоборот, помогает! Помогает не впасть в уныние. Как бы страшно ни было, а кто-то говорить об этом должен. Понимаете, каждому из нас — вам, мне, любому другому человеку — дано нести определенное служение в этом мире. Мне судил Господь работать в тележурналистике — я работаю. И считаю, что, если есть возможность говорить с экрана о вещах, которые открывают глаза людям на какие-то явления в жизни, я обязан это делать. Я же работаю не потому, что мне это невероятно нравится, а потому что... чем же еще я могу людям помочь? Ну чем, как? Я не полицейский, не депутат — я просто журналист. Я могу просто сделать фильм о том, что я вижу. Со злом бороться надо,

нельзя просто так сидеть сложа руки.

— *Вы как-то сказали, что своими исследовательскими программами защищаете свой народ. Программы о Поясе Богородицы, о других святынях тоже подходят под эту категорию?*

— Конечно. Кто-то посмотрит, хоть один человек, и умилится, как я умилился, и почувствует то, что чувствовала вся наша съемочная группа. И утешится этим, скажет: «Ой, как интересно!». И что-то в его душе дрогнет. Если хоть один человек так отреагирует, я буду счастлив. Безусловно, масса людей свидетельства о вере не принимает, не принимают Христа. Это личное дело каждого человека... Но я вам должен сказать, что в современном мире без Веры делать нечего.

— *Почему?*

— Потому что только Вера человека удержит на поверхности и спасет от падения в какую-либо пропасть. Сегодня мир настолько яркий, он предлагает столько увлекательных возможностей: карьера, работа, творчество, машина, квартира, путешествия, деньги, женщины — все что хочешь!

Раньше главным испытанием христиан был страх перед физическими муками, как во времена Римской империи, или страх остаться без работы, без хлеба, как в советские времена. Сейчас другое испытание — муки соблазна. Скажем, у тебя все есть — iPhone, iPad, машина, успех, интересное общение — зачем о Боге помнить? И вот это испытание, может быть, еще страшнее и тяжелее, чем физические пытки. Потому что соблазн не поймаешь, он эфемерный, с ним тяжелее бороться. Но тем не менее есть люди невероятно богатые, которые оставляют все и идут в монахи.

— *Вы таких встречали во время съемок?*

— Да. В одном не вошедшем в краткую версию фильма «Пояс Богородицы» интервью я спрашиваю у русского монаха, насельника Андреевского скита на Афоне: «Как так? К вам в монастырь, постригаться в монахи, приходят в том числе и очень богатые люди — как они от всего отказываются? Получается, все яркие возможности мира они оставляют за какое-то обещание, исполнение которого в этой жизни даже не увидят!». Он мне ответил: «Яркие возможности — ну и что? Это все до гробовой доски. А что потом?» А потом, если ты веришь, то — жизнь вечная. Если ты веришь. Потому что не зря Господь сказал: «Веруй в Меня и не увидишь смерти во век». И о своей Вере надо не бояться говорить полным голосом.

— *А как же понимание того, что ты не вполне сам отвечаешь идеалам, о которых говоришь?*

— Главное, — говорить об этом искренне. Самонадеянность, конечно, вредна: если ты как журналист пишешь или делаешь программы на телевидении о Православии, разумеется, нужно консультироваться со священниками, чтобы сделать все правильно. Это очень важный момент. Но своей Веры мы не должны стесняться. А наоборот — должны быть готовы за нее ответить и за нее постоять. Как Иоанн Златоуст пишет: «Если ты услышишь, что кто-нибудь на площади хулит Бога, сделай ему внушение. Если не послушает, не бойся ударить его по ланите». Но главное — дай Бог нам всем быть рабами Христовыми, чтобы жизнь свою не просто так прожить. Это очень важно.

Фома.Ru

Публикуется в сокращении

ВАЛЕНТИНА ДУХОВСКАЯ

Когда на душе радость

ВЕСТНИК

Жила-была бабушка и была у нее внучка. Решила бабушка порадовать внучку:

— Куплю тебе подарок, какой захочешь, чтобы твоя душенька порадовалась. Пошли бабушка с внучкой в магазин, — примерила внучка платьице. Повертелась-повертелась перед зеркалом, сняла и не захотела покупать. Зашли они еще в один магазин. Примерили туфельки, хороши туфельки, на каблук, хоть сама танцуй. Не понравились туфли внучке. Зашли в магазин игрушек.

«Ну, — думает бабушка, — здесь-то она точно себе что-нибудь выберет». Подошла внучка возле полок с игрушками, потрогала их, повертела в руках каждую игрушку, потом сморщила личико, фыркнула губками и ушла из магазина ни с чем.

Подошли они к продуктовому магазину. «Сейчас хоть сладостей ей накуплю», — думает бабушка. Но и сладости ее не прельстили. Все магазины обошли, а внучка так и не выбрала, что ей надо, чтобы душа радовалась.

Но вдруг внучка попросила у бабушки булочку, сосиску и семечек. Опечалилась бабушка:

— Что же ты, внученька, голодная у меня что ли?

— Нет, я сыта, но хочу накормить голодных: булочку дам собачке, сосиску кошке, вон тем, что давно у магазина сидят. А семечки рассыплю птичкам.

— А для тебя-то что купить, чтоб твоя душенька порадовалась? — не унималась бабушка.

— Вот увидишь, бабушка, я накормлю их, и моя душа будет прыгать от счастья.

Две свечки

Гтоит большая Свеча в подсвечнике пред Господним Распятием, смотрит сверху на маленькую свечку:

— Фи, какая ты маленькая, худенькая, да кривая; и откуда только ты взялась. Вот посмотри на меня: я большая, плотная, ни за что не согнусь. И пламя у меня полное, яркое, достает до самого лика Господа. А ты что?

Твое пламя и до Господних пят не дотянет. Потлеешь-потлеешь, согнешься, и никем незамеченная, потухнешь. Что молчишь? Понимаю... молчание — знак согласия. Ну, конечно, у тебя даже силенок нет мне что-то перечить. Шла бы ты лучше к себе домой. Там тебя никто не увидит, а здесь ты только весь вид портишь. И не стыдно тебе пред Господом в таком виде! Ты вот-вот потухнешь и только копоть после себя оставишь.

Свечке нечего было ответить. Ей оставалась только гореть, заливаясь восковыми слезинками, которые стекали струйками по тоненькому стану, слушать церковное пение, тихонечко подпевать и просить у Господа за все свои грехи прощение. Только бы успеть, не потухнуть. Только бы успеть!

И чем меньше становилась свечка, тем все больше разгоралось ее пламя; красно-оранжевый язычок плясал радостно и весело. Открылась дверь и впустила поток воздуха, — пламя маленькой свечки заплясало, дотянулось до большой Свечи и стало лизать ее подножие. Вмиг большая Свеча растаяла, как свечка, согнулась и повалилась. И только нитка осталась лежать на подсвечнике, да чад темными клубками исчезал пред ликом Господа.

А маленькая тоненькая свечка все горела, горела...

ДУХОВНЫЕ НЕДУГИ

ТРЕВОЖНОСТЬ, С КОТОРОЙ МЫ НЕ МОЖЕМ РАССТАТЬСЯ

К.С. Петров-Водкин «Тревога»

АРХИМАНДРИТ
АНДРЕЙ (КОНАНОС)

Мы постоянно куда-то спешим, мы не умеем радоваться жизни, которую нам даровал Господь. Мы постоянно находимся в погоне, постоянно ждем чего-то нового, отличающегося от того, что есть у нас сегодня. В будущем, мы заглядываем не созидательно и творчески, а с чувством тревоги. Постоянное ожидание чего-то и размышления об этом делают нас больными, и мы теряем способность радоваться. У нас неспокойные лица, неспокойные сердца, мы не умеем улыбаться, не можем вникнуть в происходящее и сказать: «Слава Богу!» Мы не можем остановиться. Становится страшно, если подумать, куда мы так спешим: мы спешим к концу своей жизни. Как будто торопимся побыстрее умереть. О болезненном состоянии тревожности, с которым мы не можем расстаться, рассуждает архимандрит Андрей (Конанос).

— Испытываешь ли ты чувство тревоги? — Я задавал этот вопрос очень многим людям, и большинство из них смотрели на меня, улыбались и отвечали:

— Батюшка, это риторический вопрос? Естественно, все мы испытываем тревогу. Может быть, ты не тревожишься?

И тогда я оказался в трудном положении: когда я задал этот вопрос себе, то понял, что и во мне живет чувство тревоги. Все мы очень тревожимся. И сейчас я беспокоился и думал, смогу ли сказать то, что надо. Да, и я тревожусь.

Идешь в школу и видишь маленьких детей — оказывается, и у них присутствует в жизни напряженность, гонка, паника и неуверенность... Да, все мы беспокоимся. Невероятно, но это стало уже глобальной эпидемией. Всех нас охватывает это состояние.

Самое неприятное, что тревога — это то, что невозможно описать, не знаешь, что она собой представляет. Пытаешься подобрать слова — и не можешь. Что же это, в конце концов? Это — переполняющие душу страх, неуверенность, ощущение надви-

гающей беды или мучительное воспоминание о том, что уже произошло. Так мы и живем: либо опасаемся того, что может случиться, либо то, что уже случилось, не отпускает, смущает и угнетает нас внутренне, ни на минуту не оставляя душу в покое.

Мы постоянно куда-то спешим, мы не умеем радоваться жизни, которую нам даровал Господь. Мы постоянно находимся в погоне, постоянно ждем чего-то нового, отличающегося от того, что есть у нас сегодня. И возникает вопрос: а когда мы будем радоваться сегодняшнему дню? Ведь то, что тут и сейчас, в твоих руках, так быстро исчезает. Время летит. Я говорю, и время пролетает, проходит. Настоящее постоянно ускользает от нас, мы постоянно живем в другом времени — между прошлым и будущим — и не замечаем настоящего. Сейчас часы показывают начало второго, но мы живем не этим часом, а завтрашним или послезавтрашним днем, думаем о том, что произойдет через месяц, какими мы будем. И туда, в будущее, мы заглядываем не созидательно и творчески, а с чувством тревоги. Постоянное ожидание чего-то

и размышления об этом делают нас больными, и мы теряем способность радоваться.

У нас неспокойные лица, неспокойные сердца, мы не умеем улыбаться, не можем вникнуть в происходящее и сказать: «Слава Богу!» Мы не можем остановиться. Становится страшно, если подумать, куда мы так спешим: мы спешим к концу своей жизни. Как будто торопимся побыстрее умереть.

Если умеешь жить настоящим, то понимаешь, что сейчас у тебя все хорошо, потому что в действительности у тебя не так много проблем, как предсказывало тебе твое тревожное воображение. Представим себе такой разговор:

- Я плохо себя чувствую.
- Что-то случилось?
- Нет, но я встревожен.
- Почему? Мы сидим и разговариваем. Тебе холодно?
- Нет.
- Жарко тебе?
- Нет, все в порядке.
- Может быть, ты голоден? Давай, я дам тебе что-нибудь поесть?
- Нет, спасибо!

— Может быть, ты хочешь воды?

— Нет!

— Значит, ты не голоден, не испытываешь жажды, тебе не жарко, не холодно. Но, может быть, тебе кто-то угрожает, может быть, есть человек, который тебя преследует?

— Нет, у меня все хорошо.

— Итак, с точки зрения условий жизни у тебя все хорошо, у тебя все есть. Представь, если бы кто-то из космоса мог увидеть тебя, живущего на планете Земля, хорошо одетого, сытого, то он непременно бы удивился, увидев беспокойство на твоём лице, тогда как сейчас у тебя все есть. В этот момент у тебя нет проблем.

— Понимаю. Но дело в том, что я не знаю, как послезавтра пройдут экзамены, которых я жду, поэтому волнуюсь.

— Но ведь это же будет послезавтра! А ты мне сейчас на вопрос: «Что с тобой?» — отвечаешь: «Я плохо себя чувствую, я встревожен, я беспокоюсь о том, что случится».

Твоя проблема заключается в том, что у тебя все хорошо, но ты не понимаешь, что у тебя все в порядке, не радуешься этому, сам ищешь себе повод и причину для беспокойства. Думаешь о том, что произойдет после экзаменов, что будет с тобой через несколько лет, кто будет заботиться о тебе в старости, что случится после твоей смерти, как будут жить твои дети, как распределится твоё наследство. Но скажи мне: разве это сейчас произойдет? Если бы ты ощущал каждую секунду своей жизни, как дар, который сейчас даёт тебе Господь, тогда бы ты беспокоился о каждой проблеме только один раз. Когда, спросишь ты? Тогда, когда возникнет проблема, конечно. А сейчас что ты делаешь? Постоянно переживаешь, а ведь волнующая тебя ситуация, в конечном счёте, может и не возникнуть. Пойми, ты тревожишься и терзаешься намного больше, чем Господь хотел бы для тебя.

Бог допускает, чтобы мы встретились с болью, но тревога является нашей собственной глупостью, нашим безумием, тревога — это ложь, которую мы сами создаём, с которой живём, и которой терзаемся. Боль является спасительной, в жизни надо пройти через страдания, притеснения, болезни, и это отведет тебя в рай. Господь допускает боль, чтобы дать тебе радость. Ту

настоящую радость, которую мы потеряли из-за большого наслаждения, удовлетворения нашего эгоизма, и теперь только через страдания, через боль мы можем приблизиться к Богу. Но тревогу Господь не создавал. Тревога не является той избавляющей, творческой болью, которую Господь посылает нам и допускает её пережить. Тревога — это мучительное состояние, которое мы сами себе придумали, благодаря ей мы стареем раньше времени, терзаемся сами и терзаем других. Попробуй, заставь свой ум работать, удержи своё воображение, это оно виновато во всех сценариях, которые ты придумываешь, рисуя в своей голове события, которые ещё не произошли.

Произойдет землетрясение, говорят некоторые. И ученые не могут сказать, когда это будет, потому что и они не знают с точностью. Когда это случится, через пять недель или через пять месяцев? По всей Греции говорят о том, что нельзя спать в домах, под крышей, вдруг это случится ночью. Все ждут. Ждут и боятся. Паника, которая возникает вокруг землетрясения, в результате может привести к более губительным последствиям, чем само землетрясение.

Все это происходит, потому что мы не имеем настоящей веры. Если ты по-настоящему веришь в Бога, то тебя не мучает тревога о том, что случится завтра или послезавтра. То, что тебе необходимо знать, Господь тебе уже сказал. Сказал не только о том, что будет завтра, но и что будет, когда наступит конец света, сказал тебе о Втором пришествии, все сделал, чтобы ты не беспокоился и знал, что существует Царство Божие, которое, я надеюсь, тебя ожидает; знаешь ты и о том, что существует место пребывания далеко от Бога — это место называется ад. Господь сказал тебе то, что нужно и полезно, а о другом тебе знать не надо. Почему?

Потому что Бог милостив и человеколюбив. Он знает и понимает нас, потому что Сам был Человеком. Значит и ты должен быть человеческим, понимать другого и не обременять его, потому что Господь нас не обременяет, не загружает нас Своими заботами и Своим знанием, потому что мы не можем их перенести. Он даёт нам лишь то, что мы можем вынести и не хочет создавать в нас тревогу. Господь не сказал нам, когда произойдет второе пришествие, потому что знает,

что это нас растревожит. Бог хочет, чтобы мы знали с чем мы можем столкнуться в жизни, чтобы всегда были готовы подвизаться спокойно, мирно, смиренно, с доверием, и когда Он придет, могли бы встретить Его с радостью. Если каждый прожитый день приближает тебя к Богу, то, что бы ни произошло, пусть происходит.

Какой странной стала наша жизнь! Вместо того чтобы её сделать раем, мы превратили её в ад. У нас есть все, но мы все время переживаем; если в доме одна машина — тревожатся за одну, если больше — тревога возрастает пропорционально количеству машин, припаркованных у дома. Имеешь дачу — ещё одна тревога: чтобы её не ограбили. Сигнализацию поставил, и снова беспокоишься: что будет, не откажет ли? У нас в домах идеальные замки, электронные системы слежения, сигнализация, собаки, которые следят и охраняют наш балкон, сад, автостоянку... А сколько сейчас страховых компаний! Вы можете застраховать все, что угодно. И все же наша душа тревожится, мы не можем спать спокойно. Мы чувствуем постоянный дискомфорт, с нами что-то происходит. У многих возникают физические проблемы от постоянного стресса. Они чувствуют тяжесть на сердце, их артериальное давление поднимается, им нечем дышать. Все это — болезни души, которые отражаются на теле. Когда душа смущена, она смущает и тело. Когда тело беспокойно, то и душа мучается. Все это взаимосвязано.

Когда сумеешь понять, что то, что тебя беспокоит, не так важно, как кажется, то перестанешь тревожиться. Например, ты очень хочешь пойти на прогулку. Прекрасно, но ведь эта прогулка не является смыслом всей твоей жизни. Обстоятельства могут сложиться так, что ты не сможешь выбрать время для прогулки. Но если ты вложишь в неё душу, и будешь добиваться прогулки любой ценой, то будешь мучительно переживать, если этого не произойдет. А ведь так просто сказать себе: «Не получилось, ну, ничего страшного, в следующий раз!» Если наша душа станет настолько гибкой, что мы спокойно, не упорствуя, сможем менять свои планы, изменять свои решения, тогда, чтобы ни случилось, мы научимся принимать это спокойно, говоря: «Прекрасно, мне это Господь послал! Я хотел одного,

но Бог мне дал другое. Значит, так было угодно Богу!»

Мы же, в основном, предпочитаем всего добиваться силой, проявляем упорство, настаиваем на своем, и очень переживаем свою неудачу. Я обратил на это внимание однажды, когда хотел купить себе интересующую меня книгу. Я пошел в книжный магазин, но не нашел там ее. Тогда я пошел в другой магазин, но и там поиски оказались безрезультатны. Время летело, и книжные магазины начали закрываться. Я стал беспокоиться, спешить, чтобы добиться своего и все-таки купить эту книгу. Пошел в третий магазин, но там ее тоже не было. Я нервничал, я говорил себе: «Надо срочно идти еще в один магазин, надо торопиться, вдруг я не успею, и он закроется!» И в какой-то момент, когда я почти бежал по дороге, я вдруг подумал: «Предположим, что мне повезет, и я, наконец-то, куплю эту книгу. Стану ли я прямо сейчас читать ее? Нет. Почему бы тогда не купить ее позже? Скажем, завтра». И я успокоился.

Нам всем надо учиться не быть упрямыми, не упорствовать, добиваясь своей цели, и тогда мы не будем беспокоиться, не будем страдать, а сможем сказать спокойно: «Пусть будет на все Божья воля! Господь все устроит». Давайте учиться на примере святых, которые не только не переживали, когда не получали желаемого, но и не сокрушались, даже когда что-нибудь теряли. Это их не волновало, не беспокоило, хорошее они воспринимали с миром в сердце и с благодарностью Богу, а о потере спокойно говорили: «Хорошо, что Бог допустил мне это потерять!»

Старые святогорцы, которые уезжали из спокойного городского мира, чтобы жить еще более тихой жизнью на Святой Горе и чтобы отдать себя полностью Богу, когда опаздывали на паром из Афона, не гневались, а говорили:

— Ничего страшного! Сяду на следующий паром!

А знаете, когда прибывал следующий паром? Только на следующий день. Один паром в сутки.

Мы же, когда опаздываем на автобус, на трамвай, не успеваем на поезд в метро, мучаемся и переживаем. Садимся на следующий автобус, пришедший через десять минут, и не можем успокоиться и утихнуть всю дорогу. А они говорили: «Ничего страшного! Сяду

на следующий паром!» — и их лица были спокойны. Монах возвращался обратно в свой монастырь, снимал с плеч рюкзак с продуктами и начинал молиться, затем снова шел в огород и начинал работать. Иной ритм, другая жизнь...

— Да, батюшка, — скажете вы, — но это когда было! А сегодня мы не такие. Сегодня мы постоянно торопимся! Если не будем торопиться, то не выплывем в этом житейском море.

А я отвечу: когда надо, торопись, но затем будь спокойным. Вопрос ведь не в том, торопиться или нет внешне, главное, не допустить, чтобы эта спешка стала частью твоей души. Да, торопись, когда надо, когда есть много работы. И в монастырях на Святой Горе, когда приезжают официальные гости, или какой-то праздник и ожидается большая трапеза, монахи много работают. Они в постоянном движении, бегают, что-то делают постоянно, но душа их, однако, спокойна, она никуда не торопится, она предстает пред Господом. И все время они молятся: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!».

То есть, моя душа отдана Христу и я спокоен. И все идет хорошо. Вот так должно быть, и об этом говорит и старец Паисий. Он рассказывает, что когда он жил в монастыре Эсфигмен, на него и еще одного монаха из братии возложили послушание после Святой Литургии готовить кофе для гостей. Тот, другой монах, волновался, тревожился и уходил из храма до молитвы «Молитвами святых отец наших...», чтобы успеть сварить кофе, потому что говорил себе: «Иначе я не успею!»

— Я же, — рассказывает старец Паисий, — говорил себе: успокойся, останься помолиться, чтобы успокоилась твоя душа, а затем пойдешь готовить кофе. Бог все знает, он знает, что тебе поручено делать.

Старец жил с сознанием постоянного присутствия Бога в своей жизни, с пониманием того, что Бог все знает и помогает всегда. Поэтому старец Паисий выжидал. Заканчивалась Литургия, он брал просфору и спокойно шел готовить кофе.

— И знаете, что я заметил? — говорит он, — у того монаха, который раньше меня уходил из храма, все получалось из рук вон плохо: он торопился, нервничал, проливал кофе, обжигался. А я после «Молитвами святых отец

наших...» успевал во всем, и все у меня получалось. Как же Бог хорошо все устраивает!

Какой поучительный пример! И мы должны, пока есть возможность, не торопиться, не нервничать, жить в спокойном ритме, и тогда будем успевать все, что должны.

Нужно так устроить свою жизнь, чтобы душа не тревожилась и была спокойна. Душа того монаха, о котором говорил старец Паисий, была смущена, и поэтому у него ничего не получалось. Но даже если бы он и справился со своей задачей, но не имел бы Божиего благословения, то душа бы его все равно прибывала бы не в мире, а излучала бы смятение. В этом суть дела. Не в приготовлении кофе, а в нашем внутреннем спокойствии. Тревога не исчезает, а только возрастает, когда избегаешь Бога и не доверяешь Ему. Некоторые люди, например, выходят из храма до окончания Литургии, чтобы успеть сделать запланированное на день. Это неправильно. Живя с Церковью одной жизнью, ты научишься преуспевать во всем. Господь будет задавать ритм твоей жизни, и тогда все будет происходить в свое время, и ты будешь все успевать, будешь чувствовать себя спокойно, и благословение Божье будет на всех твоих делах.

Вспомните, в Деяниях Апостольских рассказывается о том, что святые апостолы Павел и Сила ночью в темнице спокойно спали, хотя утром их должны были отвести на суд. А теперь представьте себе: через несколько часов тебя будут судить, твоя жизнь под вопросом, а ты спишь спокойно! Невроятно, — скажете вы. Но эти великие мужи сумели сохранить мир в душе и полностью верить себя благой воле Божией. Разве может Творец оставить Свое творение?

Но и тогда практически не было людей, обладающих таким душевным спокойствием. По словам святого Иоанна Златоуста, даже сам Христос не смог в те времена найти человека, который бы не тревожился о будущем, чтобы нам сказать — будьте как этот человек! И тогда все чувствовали неуверенность, переживали, что принесет им грядущий день. Не было такого человека. Не мог Христос указать на него апостолам со словами: «Посмотрите, как он спокоен! И вы будьте как он». А говоря о простоте и чистоте сердца, Христос

привел в пример детей. То есть Ему легче было найти чистых сердцем, чем не тревожащихся. И тогда Он обращает наш ум, наши глаза к природе, к цветам, к птицам небесным: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их (Матф. 6,26)».

Господь заботится о нас, потому что мы — Его творение, творение Его любви, Его сердца. А мы живем так, как будто не имеем Бога, как будто не имеем Отца Небесного, как будто Христа не существует, как будто Он не рядом с каждым из нас. Мы ежеминутно забываем о клятве, которую Он дал нам. Господь говорит: может наступить время, когда мать забудет своих детей, но Я никогда тебя не забуду, никогда тебя не предаю, не оставляю тебя во время твоей болезни, на больничной койке, на инвалидной коляске, буду с тобой в том, что тебя беспокоит, во всех твоих скорбях, в нищете и горе Я буду рядом с тобой, обещаю тебе. Он сказал это на Кресте и подписался Своей кровью. «Нет большей любви, чем та, которая есть у Меня — пожертвовать своей жизнью ради своих друзей, и Я так сильно люблю вас, что делаю это», — говорит нам Господь.

Значит, твоя жизнь не случайна, ты не оставлен на произвол судьбы, Бог наблюдает за тобой, защищает тебя и говорит тебе: «Я дал тебе жизнь, неужели Я тебе не дам все необходимое для жизни и оставляю тебя? Я дал тебе тело, неужели Я не позабочусь о нем — о еде, воде, одежде, о твоём доме, о том, что тебе необходимо, неужели Я не позабочусь о тебе? Тогда зачем Я тебе дал тело? Зачем Я тебе дал душу? Зачем тогда Я поставил тебя на этой планете, неужели, чтобы тебя мучить? Конечно, нет! Взгляни на Голгофу, посмотри на Мое лицо, посмотри в Мои глаза, чтобы понять, что Я люблю тебя! А ты все время чего-то боишься, постоянно в смятении. Я тебе дал столько доказательств Моей любви, а ты слеп, и глаза твои не видят ничего!».

Что же это? Как можем мы быть такой чудовищной раной для Бога, оскорблять Его своими поступками, причинять Ему боль, да, боль, потому что жизнью своей мы как будто постоянно говорим Ему: «Я Тебе не верю! Не верю, что Ты существуешь! Не верю, что Ты меня любишь! Я не верю, что Ты мне поможешь!»

Думаете, это не про вас? Вы скажете: «Но, батюшка, как же так, мы ходим в храм, молимся, слушаем церковное радио, может ли такое быть, чтобы мы не верили?» А я отвечу: «Может». Потому что теоретически мы верим, что Бог существует, что-то знаем и говорим об этом, но не переживаем веру как доверие. Доверять — это отдавать всего себя без страха, полностью.

Тот, кого ребенком учили плавать, помнит, что родители говорили ему: «Не волнуйся, расслабь свое тело, мы держим тебя, помогаем тебе, дыши спокойно, если ты испугаешься, забеспокоишься, то ты утонешь». Так и Господь говорит человеку: «Расслабься, успокойся, перестань пере-

миг, каждую секунду Он рядом с тобой? Тогда сделай одно движение — положи руку на сердце и почувствуй, как оно бьется. Что это означает? Это значит, что в этот момент, когда ты сомневаешься в Нем, Господь заботится о тебе, и поэтому твое сердце бьется. Господь любит тебя, и свидетельствует об этом биением твоего сердца, твоим дыханием, твоими глазами, которые видят мир, твоими ушами, которые слышат, твоими органами чувств, которые могут воспринимать все дары Божии, которые даны нам в этом мире.

Человек должен научиться жить с ощущением присутствия Бога в своей жизни — и постепенно это чувство изгонит болезненную тревожность из его

О. Налетова «Ангел»

живать о себе, доверься Богу, и тогда почувствуешь, что означает настоящая вера, не теоретическая, а вера сердца и опыта». Попробуйте верить себя Богу, и увидите, что Господь благ, попробуйте, и ощутите Его доброту, милосердие и любовь. И тогда вы поймете, о чем говорил Христос, заповедуя не думать о завтрашнем дне, а жить сегодняшним: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы (Мф. 6,34)». То есть, достаточно и сегодняшних забот и проблем, не нагружайте себя дополнительно, живите сейчас, проживайте каждую минуту так, чтобы почувствовать, что Бог любит нас, каждого из нас, без исключения.

Но... Ты не веришь, что каждый

души. Если мы сумеем почувствовать Божию любовь, то увидим, что все остальные проблемы исчезнут. Мы успокоимся, наша душа избавится от бесконечного стресса, напряжения, трудностей, которых, на самом деле, практически не существует. Мы задавлены своей логикой, своим рационализмом, полагаемся на свои силы, на свой интеллект, на свои способности, деньги и знакомства, и очень мало доверяем Богу. Пока не поздно, надо изменить это в себе, и, склонив голову, сказать: «Господи, возьми мою жизнь и делай с ней что хочешь, только бы я чувствовал, что Ты меня направляешь, что Ты держишь меня, что Ты меня защищаешь, что Ты меня любишь, что Ты находишься рядом со мной! Этого мне достаточно!»

Православие.Ru

СВЕЧА

Церковный сумрак. Мирная прохлада,
Немой алтарь.
Дрожащий свет негаснущей лампы
Теперь, как встарь.
Здесь шума нет, и сердце бьется глуше
И не болит.
Здесь много горя выплакали души
У древних плит.
Здесь люди Богу муку поручали,
Здесь вечный след
Безвестных слез, несказанной печали
Забывших лет.
Старинный храм, – защита от бессилья,
Приют для битв,
Где ангел Божий смертным дарит крылья
Для их молитв.

Андрей Блох

И. Левитан « Над вечным покоем»

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 31.10.13. Выход по графику 26.09.13

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.